

УДК 821(=511:143)

С.С. Динисламова

**Время и пространство в романе-сказании
«И лун медлительных поток...» Г.К. Сазонова, А.М. Коньковой**

Аннотация. В 1982 году увидел свет роман-сказание «И лун медлительных поток...», созданный А.М. Коньковой в соавторстве с тюменским писателем Г.К. Сазоновым. В основе произведения – история древнего мансийского рода, прослеживается жизнь четырех поколений рода Картиных. Широко и разнообразно представлены в романе категории времени и пространства. В данной работе нами выявляются основные черты и характеристики, которыми обладают время и пространство в романе-сказании «И лун медлительных поток...» А.М. Коньковой и Г.К. Сазонова.

Ключевые слова: Конькова, роман-сказание, манси, время и пространство, «И лун медлительных поток».

S.S. Dinislamova

**Time and space in the novel-legend «Flow of the slow moons by...»
G.K. Sazonov, A.M. Konkova**

Abstract. The novel-legend «Flow of the slow moons by...» was written by A.M. Konkova in co-authorship with the Tyumen writer G.K. Sazonov. The novel is based on the history of the ancient mansi clan and shows lives of four generations of the Kartins. The categories of time and space are widely and diversely represented in the novel. This paper deals with the main features of time and space in the novel-legend «Flow of the slow moons by...» A.M. Konkova and G.K. Sazonov.

Keywords: Konkova, novel-legend, mansi, time and space, «Flow of the slow moons by...».

В 1982 году увидел свет роман-сказание «И лун медлительных поток...», созданный А.М. Коньковой в соавторстве с писателем Г.К. Сазоновым. В основе произведения – история древнего мансийского рода, прослеживается жизнь четырех поколений рода Картиных. Широко и разнообразно представлены в романе категории времени и пространства. В данной работе нами выявляются основные черты и характеристики, которыми обладают время и пространство в романе-сказании «И лун медлительных поток...» А.М. Коньковой и Г.К. Сазонова.

Прежде отметим, что сами авторы определили жанр своего произведения как роман-сказание. Прослеживая судьбы своих героев, они показали, как тесно связаны особенности их мировосприятия

и психологии с поэтическим миром народных преданий и поверий. В сюжете романа много фольклорных вкраплений (сказания, мифы, сказки), которые создают не только эпический фон, но и способствуют раскрытию мифопоэтического мышления народа, его самобытного национально-традиционного видения мира. Повествование раскрывает внутренние противоречия героев, мир их чувств и переживаний. Причем главные герои объективизированы, а лирический герой (автор, повествователь) «спрятан» на второй план, хотя авторское отношение к героям и событиям подается открыто. Нераздельными составляющими художественного мира произведения являются память и время. Как отмечает Ю. Хазанкович в статье «Власть Матери

Матерей», в романе с помощью фольклорных вкраплений создается картина «начала времен» [1, 289]. Причем влияние эпической традиции обнаруживается на образном, структурном, мотивном и языковом уровнях. Для художественного воссоздания эпического времени и пространства авторы используют не только приемы традиционной поэтики, жанры устного народного творчества, но и богатый этнографический материал. В целом, говоря о жанре произведения, именно такое соотношение эпического и исторического, романной и эпической поэтики позволило авторам соотнести его с жанром роман-сказание.

Если говорить о границах времени в романе-сказании «И лун медлительных поток...», то, на первый взгляд, мы видим, что события разворачиваются в течение одного столетия. Об этом пишет и В.Д. Лебедев, историческое время им раскрывается следующим образом: «Композиционно временные рамки охватывают весь XIX век. Судьбы Сандро и Саннэ привели бы нас к революционным событиям XX века. Авторы строят сюжетный материал по принципам архитектоники романа Горького «Дело Артамоновых» и подобных ему произведений, когда жизнь каждого поколения тщательно рисуется в его начале и конце, а середина опускается» [2, 151]. Однако на самом деле «художественный хронотоп» в романе представлен более широко, он не ограничивается временными рамками XIX века. Ведь даже уже в самом названии романа-сказания «И лун медлительных поток...» раскрывается многомерность и неразрывность художественного времени и пространства. «Заглавие произведения – это, на наш взгляд, видоизмененная эпическая формула – «медлительная луна», «лунный поток», в заглавии присутствует «метасмысл, порожденный содержанием мифологического метасюжета, – циклическое умирание и обновление жизни.

Это обусловлено тем, что цикличность фаз Луны традиционно воспринималось как постоянное возрождение нового и умирание старого месяца» [1, 277]. Действительно, в духовной культуре обских угров рождение новой луны символизирует рождение, благополучие, надежду. Все периодические обряды и часть окказиональных (спорадических) обрядов проводятся только на растущую луну. Исследователь обрядности народа манси В.С. Иванова отмечает, что «Обряды являются механизмами для регулирования и периодического восстановления общих норм и ценностей. Обряды приобщают человека к целостности Вселенной, а точнее подтверждают ее; к социальным стандартам через включение его в соответствующий социальный статус. С этим статусом связана совокупность предписанных обычаев прав и обязанностей» [3, 10]. Луна у манси олицетворяет мужское начало, она – Этпос-ойка «Луна-мужчина». В названии романа-сказания «И лун медлительных поток...», как уже отмечалось, присутствует временное начало, оно связано со временем жизни каждого героя, каждого поколения, каждого рода, каждого народа, человечества. И хотя ведущим началом в хронотопе является не пространство, а время, однако пространство неотделимо от событий, спроецировавших это пространство. И здесь, учитывая «метасмысл» произведения в целом, можно сделать вывод, что авторами представлено в том числе и космическое время, несущее мысль о вечности и вселенском пространстве. В.Д. Лебедев справедливо называет данные составляющие эпическим временем и эпическим пространством. Он пишет: «Эпическое время и эпическое пространство – черты национального эпоса. Жизнь маленькой Евры представлена как составная частица целого этноса, как вечный вселенский процесс. Этот мир национально самобытен и мифологичен...

Движение жизни передается как естественная смена поколений рода Картиных» [2, 152]. Эпическое время, переплетаясь с мифологическим временем, раскрывается в романе в основном через воспоминания Максима Картина: «Давно то было... Тогда Луна только что зарождалась из кедрового орешка, а Солнце забралось высоко на Седьмое Небо... И кем оно было, то Солнце, – мужчиной или женщиной, неизвестно. Тогда мало было света и больше было тьмы. В небе не плавали лебеди-облака, а пролетали вороньи стаи туч, из них вырывались густо-синие ветры» [4, 12]. На основе мифологического времени, под углом сказочных интерпретаций и шаманистских воззрений с привлечением мифологических образов и мотивов происходит осмысление героями исторических событий.

Историческое время представлено отдельными событиями эпохи, такими как сбор ясака с народов Сибири, который «можно было вносить или пушниной, или деньгами. И тяжел был тот налог, камнем падал он на плечи и многих валил с ног – по полтора рубля с каждой ясачной души» [4, 68], ссыльными поляками, ярмарками с международной торговлей: «Просторно, лихо, хмельно и богато на площадях Верхотурья и Ирбита, Пельма и Гарей раскидывались звонкоголосые, разноязыкие ярмарки» [4, 65] и др. Историческое время также представлено событиями народной жизни: свадьбами, рожденьями детей, похоронами, юношескими соревнованиями, народными играми, создающими у читателя наглядное представление о народном быте. На первый взгляд, кажется, что в романе-сказании доминирует историческое время, в котором живет сам повествователь, в нем он ведет свой рассказ; время совершения действия – это время героев. Представлено, казалось бы, только самое существенное из реальной действительности, показано развитие событий во времени.

Но авторы порой умело «выключают» время, перевернув для этого события – заставляют его двигаться от развязки к началу, т.е. хронологическая последовательность событий вступает в противоречие с реальным течением времени. Объективно-авторская ретроспекция чаще проявляется через такие слова и выражения: «Недолго думал манси Максим Картин – с восхода до заката: в зрелости лет короткие думы давно передуманы. Несколько раз то вширь, то вглубь просмотрел он долгую свою жизнь...» [4, 6], «В роду Картиных хранится предание о том, как прадед Максима, дед его деда, малозубым мальчишкой был окрещен самолично неистовым Филофеем, десятым митрополитом Тобольским. О том же в Пельме рассказывал Максиму седогривый горластый поп, и хотя не все Максим понял, но отдал три соболя за крохотный медный крестик» [4, 36]. Так в романе-сказании время, представленное событиями реальной действительности, «удлиняется», начинает двигаться в обратном направлении. Так из XIX века читатель попадает во времена крещения манси митрополитом Филофеем, в XVIII век: «Летом 1712 года, как только прошел ледоход на Иртыше и открылась Обь, Филофей на просмоленном судне, распустив хоругви, спустился к березовским остякам. Два года спустя, в волчью темь февральских метелей, звериными тропами он приходит на Пелым и на Конду и крестит манси – вогулов. Летом Филофей вновь в Березово, а в 1715 году раскаленный, неистовый митрополит опять пробирается на Конду, в самый центр язычества» [4, 48]. Представлено и более далекое время, когда манси шли в таежные дебри «с полуденной стороны, из просторных мест, где зеленым пожаром полыхали травы. Манси шли оттуда и впереди себя гнали табуны коней, гнали стада коров и овец. А в повозках везли зерно – ячмень, овес, рожь. Тогда дети сосали кобылиц, а

мужчины хмелели от молочной винки» [4, 6]. Данные события, трактующие историю, расширяют временные границы произведения. Также в романе представлено пространство – показана жизнь маленького кондинского селения Евры, в окрестностях которого находятся древние капища, священные места, охраняемые родом Вороного Коня – родом Картиных; но до Евры давно уже доносится «отдаленный гул Большой Человеческой Реки» [4, 12]. «Человеческая Река плескалась, гремела, обрушивала, проглатывала берега, ломала льды неприязни и неслась, неслась под солнцем, под грозами и метелями, захватывая на своем пути ручейки племен и реки больших и малых народов» [4, 4]. В широком смысле река есть символ времени, нередко река представляется как граница, разделяющая миры живых и мертвых, однако в данном конкретном случае, когда авторы говорят о Человеческой Реке, которая захватывает «на своем пути ручейки племен и реки больших и малых народов», река больше символизирует пространство, а затем только время как мировой поток явлений, течение жизни.

Рассмотрим в романе-сказании и биографическое время, соответствующее с жизненным циклом человека, его рождением, юностью, зрелостью, старостью, смертью. Жизнеописание героев складывается из разновременных событий и случаев, чаще не имеющих хронологическую последовательность. Повествование начинается с главного героя – Максима Картина – хранителя капища Максе пув Ситке – сына Ситка из древнего рода Вороного Коня. «В нем жила глубокая, как корневище кедра, память, он был силен, как сохатый, был здоров и нарожал здоровое, без кривулин потомство» [4, 7]. Биографические сведения о Максиме прослеживаются с уже зрелого возраста, когда его сын Мирон приводит в дом свою жену – Апра辛ью. Показана

жизнь Максима. На склоне лет он, пытающийся всеми силами сохранить обычаи предков, передает свои знания внуку: «Я научу тебя, Тимпей, услышать и понять лес. Хранит он в себе тайны прозрения, таинство рождения и горечь угасания. В нём столько чистоты и мудрости, что не хватит короткой человеческой жизни, чтобы вызнать грозную силу леса. Я научу тебя, Тимпей, здороваться и прощаться с тайгой» [4, 52].

Биография Мирона в чем-то похожа на биографию отца. Мы видим, что новое время не разрушило традиционного языческого мировоззрения Мирона, тогда как его жена – Апра辛ья, признанная в конце романа Матерью Матерей, имеющая «в глубинах глаз» языческую силу, «не желает принимать все на веру» [4, 15]. Она «обострена на правду, и в том таится судьба ее, и радость, и горе» [4, 45]. История Евры и Апра辛ьи – это органическое целое, которое воплощено через синтез реального и сказочного, сказочного и эпического. Как отмечает Ю. Хазанкович, главная героиня «ищет своё место в жизни, строит взаимоотношения с окружающей средой и обществом. На протяжении всего повествования образ женщины (и судьба героини) изменяется, эволюционирует, она не лишена душевной смуты» [1, 274]. Действительно, судьба Апра辛ьи прослеживается почти на протяжении всего романа, однако раздробленность временного биографического ряда не исключает целостности ее характера. Апра辛ья – нечто целостное и цельное, это тот образ, через чью судьбу и жизнь её рода авторы пытались отразить историю манси, показать их жизнь в конце XIX века. В самом начале она предстает девушкой необычайной судьбы и красоты, она из сосвинского оленного рода Тахыт-Махум. В молодости она – девовительница, в замужестве – жена и мать, в зрелом возрасте – Мать Матерей – воплощение силы, мудрости, жизнестойкости.

Далее отметим то, что в романе-сказании часто изображение человеческой жизни дается не в рамках аналитических перечислений тех или иных черт и особенностей, например, «Кто он был такой, откуда родом, каких кровей – никто из евринцев не знал, не дано было того знать. Пагулев обитал в ста немеренных верстах, в краю пелымских манси, в семи верстах от Пелыма. По всей округе, в селах и городках, поставил Пагулев свои лавки и магазины, склады и амбары, держал своих людей – приказчиков, давал товар торговцам-коробейникам» [4, 94], а через раскрытие характера – действий, поступков, речи героев. Например, «Боже мой, как она [Околь] одинока! – шептал поляк. – Она же замерзает, она леденеет от одиночества. Она заживо умирает, исподволь входит в свое одичание!» [4, 196], или «Да, я женщина! Я храню твой очаг, – сказала однажды Околь Тимофееву. – Ради тебя и твоих детей я стала поклоняться твоим богам. Но поздно – наступает безверие. Люди еще по привычке молятся и приносят жертвы, но в душах их поселились другие законы. В душах их – боги денег» [4, 219].

Околь и Тимофей – следующее поколение рода Картиных. Околь так же как и Апра辛ья становится новым воплощением Матери Матерей. Интересно и закономерно то, что каждое новое поколение в романе – новая страница в жизни манси. Например, в прошлом счет времени велся лунами, поэтому Апра辛ья так удивляется дате своего рождения: «Сентября десятого дня одна тысяча восьмисот сорок пятого года, но, что это такое, Апра辛ья не понимает до конца. Время она считала лунами – от зарождения луны до полной, считала зимами, и время ее жизни отмечалось или наводнениями, яростным разливом Конды и Евры, или мором скота, или болезнями, или свечением неба, звездным дождем или палящим зноем, что выпивал все ручейки и

мелкие озера до илистого, смердящего дна» [4, 119]. На смену одному поколению приходит другое, Апра辛ья спрашивает свою невестку:

«– Сколько тебе зим, Околь? – спросила Апра辛ья. – Сколько ты уже встретила весен?»

– Мне девятнадцать зим, – ответила девушка. – Я встретила восемнадцать весен... Год сейчас одна тысяча восьмисот шестьдесят четвертый...

– Великое небо! Ты видишь, боже небесный?!... Она угадывает время, что было недоступно самому великому шаману Волчий Глаз. Щох-щох! Она может угадать точно, какой нынче год в Великом течении Времени...» [4, 119].

В романе-сказании широко представлено и календарное время, смена времен года, будней и праздников: «Вернулся он на закате зимы, в последнюю волчью пургу» [4, 8], «На земле умирало лето, но без мольбы, без воплей и судороги, а в теплой прощальной улыбке [4, 40], «Прокатилось время летнего солнца, потянуло осенними туманами, оперилась птица, нагулялся зверь» [4, 165]. Ярко и образно представлено авторами и суточное время: «Вечером перед юртой шамана раскинули огромный жаркий костер» [4, 17], «Максим Картин поднял лицо к полуденному солнцу» [4, 36], «В ту ночь мальчику снились цветные, словно радуга, сны» [4, 39].

Таким образом, в романе-сказании «И лун медлительных поток...» для изображения времени используется сложная многослойная концепция, включающая совокупность многих языковых средств. В основном художественное время изображается как историческое время (смена эпох и поколений, событий в жизни Картиных), но наличествуют образы календарного времени (смена времен года); суточного (день, ночь, утро и вечер); биографического (детство, юность, зрелость, старость); космического (представление

о вечности и вселенской истории). В целом модель художественного времени в произведении представлена циклично: на смену одному поколению приходит другое, также в произведении мы наблюдаем больше диахроническое изображение времени, т.е. события чаще следуют одно за другим.

Со временем в романе тесно связано художественное пространство. Основным символом, обозначающим пространство можно назвать деревню Евра «в сорок дворов», затерявшуюся «в глухоте кондинских урманов, в краю сотен оперенных лебедями озер» [4, 3]. Евра воедино связывает далекое прошлое, настоящее и будущее. До Евры уже доносится отдаленный гул Большой Человеческой Реки. Евра уже не могла оставаться островом. «Все чаще и чаще посещали ее русские, татары, мордва – попы, стражники, купцы, беглые каторжники-самоходы. Разноплеменный, разноязыкий люд – одни приносили законы, другие охраняли их, третьи рушили и не признавали никакой власти и убегали от нее, как от пожара. Кто-то кого-то ловил, кто-то от кого-то прятался, кто-то что-то искал, кто-то пытался скрыться – все это так не походило на прежние, стародавние времена, о которых рассказывали старики Максиму Картину» [4, 148]. Если «сужать» пространство Евры, то символическими знаками выступают пространства двора, дома, чувала и др.; расширение же пространства, как видно из приведенных примеров, сопряжено с перемещением во времени. Однако ярко и образно авторами представлено и пространство кондинского края – таежная ширь, изрезанная водными артериями: «Конда раскидистым кедром, огромной кроной своей, бесчисленными голубыми веточками упирается в водораздел Малой Сосьвы, а могучими стволами и ветвями протоков достигает Люлим-Вора – Великого Красного Леса. Спеша к Иртышу, Конда-река извиристо

пробегают тысячеверстный путь, жадно забирая в себя Мулымью, Эсс, Большой и Малый Тап, Юконду и сотни безымянных речушек и т.д.» [4, 4].

Символом пространства можно назвать и другие земли, например, земли Тахыт-Махум – земли сосьвинских манси. Максим Картин с братом поднимались в эти земли. Обликом люди сосьвинских земель почти такие же, как евринцы, но одежда их из оленьих шкур. И постель, и пища другие – то оленный народ, он касляет оленей по хребтам Урала, по Ялпинг-Нёр, по Яны-Кат-Нёр – Хребту Большой Оленьей Лапы, от священного озера Тур-Ват к верховьям Ыджит-Яга и Елтыньи.

Также в романе через пространственные описания мы узнаем и внутреннее состояние героев. Так, закрытое и сжатое пространство часто наделяется признаками несвободы, бездуховности, тогда как пространство широкое и открытое связывается с противоположными идеями. Например, для Апрасиньи необходим был широкий простор жизни, дающий внутреннее равновесие и покой. Она черпала силу у леса, у деревьев, у природы, она «уходила в свои лесные поляны, где вызревали целебные травы, где из-под корней, у вскипающих родников, вырывались к солнцу сладкие стебли. Матерей Мать выводила в лес своих детей, и лес переливался в них здоровьем и силой» [4, 37]. На протяжении всего произведения личное пространство героини показано не закрыто, не замкнуто, а в пространстве тайги – естественном пространстве жизни северного человека.

Нельзя не отметить в романе и «чистое» пространство, то есть космос и мир духов: «Тогда Луна только что зарождалась из кедрового орешка, а Солнце забралось высоко на Седьмое Небо, – рассказывает о древних временах старый Картин. – Там оно ночевало в золотой юрте Великого Торума, в медной лодке,

которую покачивали звезды на волнах Нерестовой Реки» [4, 17]. Чистым пространством можно назвать и заверенные места. У каждого рода есть святыне места, отдельные для женщин и мужчин. И каждый должен знать о них, чтобы женщина случайно не осквернила места мужчин. Максим Картин предостерегает невестку: «Ты, Апра辛ья, должна запомнить их и осторожно обходить стороной те, что принадлежат мужчинам. А их много – то и голубая лиственница, и пятиголовая сосна, и двухтелый кедр. Вон заверованная береза» [4, 14]. Или «Помни: женщине нельзя подходить к шайтанскому амбару. Нельзя подходить к священному месту летнего речного запора! Женщина своим взглядом, своим дыханием может осквернить место» [4, 14].

Таким образом, художественное пространство в романе-сказании «И лун медлительных поток...», как и время, обладает специфическими свойствами: оно реальное, конкретное (наличие топографических реалий), открытое, динамичное, расширяющееся по мере движения героев.

Итак, нами рассмотрено время и пространство в художественной структуре романа-сказания «И лун медлительных поток...» Роман этот – тончайшее сочетание сказки и реальности; он наполняет красотой и смыслом жизнь обыкновенных людей, и мастерство авторов не может не вызывать восхищения. В центре внимания – люди Севера, их повседневный быт, их мировоззрение, дополненное картинами природы северного края. В основном через образ главной героини – Апра辛ьи, через ее характер раскрывается авторская концепция Мира: «...Ведь в женщине время течёт медленно, но цельно, как вечный ход солнца и луны, не меняя свой сущности. У женщины и тайны, и загадки свои, и тревоги. И другая, пронзительная тоска.

Она смотрит на звёзды, в утренний туман, в заходящее или поднимающееся солнце, вслушивается в ветер... А женщина смотрит в туман, а тот принимает пугающее обличье страшных зверей, смотрит на солнце и видит цветы. В небе, в реке, в зелени леса женщина видит свою уходящую или найденную любовь» [4, 156].

В качестве выводов подчеркнем, что изображенное художественное время и пространство в романе-сказании представлено многолико и разнообразно. Оно дает полное и всестороннее воспроизведение временной и пространственной структуры мансийского традиционного бытия. Как уже отмечалось, в произведении наличествуют образы времени исторического, биографического, космического, календарного, суточного, в также представления о соотношенности настоящего и прошлого.

Пространственные картины обладают специфическими свойствами: пространство реальное, конкретное (наличие топографических реалий), открытое, динамичное, расширяющееся по мере движения героев.

В завершение отметим, что творчество Анны Митрофановны Коньковой имеет историческую ценность, т.к. на страницах произведений предстает прошлое народа манси в разные периоды. В течение многих веков в традиционных праздниках, обычаях и обрядах отражались любовь народа к своей родной земле, природе и родному очагу, также наиболее целесообразные для выживания, проверенные опытом многих поколений стереотипы поведения в природной среде и социуме. Издревле эти этнические стереотипы обеспечивали не только выживание народа, но и сохранение его духовного и физического здоровья, гармонизировали взаимодействие человека с природой и другими.

Литература

1. Хазанкович Ю. Власть Матери Матерей. Жанровые и сюжетно-композиционные особенности повествования Анны Коньковой «И лун медлительных поток» // Мансийская литература / Сост. Огрызко В.В. М.: Литературная Россия, 2003. 380 с.
2. Лебедев В.Д. Манси. Очерк истории литературы. Тобольск, 1995. 159 с.
3. Иванова В.С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XXI века). СПб.: Алмаз-Граф, 2014. 287 с.
4. Сазонов. Г.К., Конькова. А.М. И лун медлительных поток...: роман-сказание. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. 272 с.

References

1. Hazankovich Ju. Vlast' Materj Materej. Zhanrovyje i sjuzhetno-kompozicionnye osobennosti povestvovanija Anny Kon'kovej «I lun medlitel'nyh potok» // Mansijskaja literatura / Sost. Ogryzko V.V. M.: Literaturnaja Rossija, 2003. 380 s.
2. Lebedev V.D. Mansi. Oчерk istorii literatury. Tobol'sk, 1995. 159 s.
3. Ivanova V.S. Lokal'nye osobennosti v obrjadnosti severnyh mansi (konec XIX – nachalo XXI veka). SPb.: Almaz-Graf, 2014. 287 s.
4. Sazonov. G.K., Kon'kova. A.M. I lun medlitel'nyh potok...: roman-skazanie. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1990. 272 s.